
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

М. А. ШЕСТАКОВА, А. А. ИВАНОВА

КОГНИТИВНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ГЕРМЕНЕВТИКИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МОЗГА*

Данная статья посвящена рассмотрению популярных концепций социального и эмоционального интеллекта, в связи с которыми в новом контексте выявляется возможность возобновления вопроса о специфике социально-гуманитарных наук. С одной стороны, на примере герменевтики акцентируется внимание о принципиальном отличии социально-гуманитарных наук от естествознания. С другой – в свете новых исследований, связанных с социальным и эмоциональным интеллектом, а также с концепциями социального и эмоционального мозга, авторы статьи ставят цель обосновать возможность выделения когнитивной и методологической стороны герменевтики. В статье проводится обзор популярных когнитивных исследований, демонстрирующих актуальные тенденции в изучении социальной сущности человека. Поднимается вопрос о перспективе современного научного обоснования социально-гуманитарных проблем, представленных герменевтикой в XX в., и возможности применения накопленного герменевтикой опыта по исследованию интуитивной стороны человеческого понимания в развитии концепций социального и эмоционального мозга.

Ключевые слова: социальный мозг, эмоциональный мозг, эмоциональный интеллект, социальный интеллект, герменевтика, понимание, социально-гуманитарные науки, методология.

* **Для цитирования:** Шестакова М. А., Иванова А. А. Когнитивная и методологическая сторона герменевтики в свете концепций социального и эмоционального мозга // Философия и общество. 2024. № 2. С. 95–106. DOI: 10.30884/jfio/2024.02.06.

For citation: Shestakova M. A., Ivanova A. A. The Cognitive and Methodological Aspect of Hermeneutics in the Light of the Concepts of the Social and Emotional Brain // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2024. No. 2. Pp. 95–106. DOI: 10.30884/jfio/2024.02.06 (in Russian).

Философия и общество, № 2 2024 95–106

DOI: 10.30884/jfio/2024.02.06

The article examines popular conceptions of social and emotional intelligence that allow the question of the specificities of the social sciences and humanities to be revisited in a new context. On the one hand, the example of hermeneutics draws attention to the fundamental difference between the social and human sciences and the natural sciences. On the other hand, in light of recent research on social and emotional intelligence and the conceptions of the social and emotional brain, the authors aim to justify the possibility of distinguishing between the cognitive and methodological aspects of hermeneutics. The article reviews popular cognitive studies that demonstrate current trends in the study of the social nature of human beings. It raises the question of the prospects for modern scientific justification of the social and humanitarian problems raised by hermeneutics in the 20th century, and the possibility of using the experience accumulated by hermeneutics in the study of the intuitive side of human understanding for the further development of conceptions of the social and emotional brain.

Keywords: *social brain, emotional brain, emotional intelligence, social intelligence, hermeneutics, understanding, social sciences, humanities, methodology.*

В методологии социально-гуманитарных наук традиционно поднимался вопрос о специфических методах исследования социальной реальности, отличающихся от методов экспериментально-тематического естествознания. Например, представитель Баденской школы неокантианства Г. Риккерт полагал, что существует принципиальное различие между «науками о природе» и «науками о культуре», к которым он относил социально-гуманитарные науки в современном смысле этого слова [Риккерт 1998]. Данное различие он связывал главным образом с методами, применяемыми в этих группах наук. В первом случае используется генерализирующий метод. Естествознание, по мнению Г. Риккерта, генерализирует, обобщает, выводит общие законы. Науки о культуре, напротив, пользуются индивидуализирующим методом. В сфере их рассмотрения – не природные явления, а ценностно-смысловые аспекты человеческой культуры, уникальные исторические события и явления, которые никогда не повторяются, являются индивидуальными. Развивая тему специфических методов исследования социальной реальности, один из основоположников современной социологии М. Вебер выдвинул концепцию понимающей социологии, обратившись к герменевтическому концепту понимания, которое в свою очередь

разрабатывалось В. Дильтеем в контексте специфики наук, изучающих человека [Вебер 2016; Дильтей 2018]. Предмет социологии М. Вебер ограничивал кругом осмысленных действий человека, подчеркивая тем самым отличия социологии от наук, изучающих природные явления. В этом отношении социологическое исследование, согласно Веберу, должно опираться на понимание, то есть на специфический способ выявления смысла человеческих действий, который напрямую не применяется в естествознании.

Обращаясь к Г. Риккерт, В. Дильтею, М. Веберу, стоявшим у истоков методологической рефлексии социально-гуманитарных наук, мы видим, что уже в первых методологических концепциях, непосредственно посвященных осмыслению специфики «не-естественных» наук, был поставлен вопрос о том, что изучение человека, истории, социально-культурных процессов требует особых умений, навыков, методов, которые зачастую в целом обозначались как понимание. Социально-гуманитарные науки мыслились как сфера исследования, основанная на способности человека понимать другого человека независимо от его принадлежности к той или иной культуре или исторической эпохе. При этом сама способность такого понимания в свою очередь требовала исследования. Изучением понимания традиционно занималась герменевтика. Видные философы-герменевты, такие как Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Г. Гадамер, П. Рикер и др., предложили собственные интересные концепции понимания, которые не утратили своего значения до настоящего времени. Однако можно утверждать, что они носили сугубо «гуманитарный» характер, то есть в основном строились на рассуждении и не опирались на естественно-научную базу. С развитием когнитивных наук ситуация, с нашей точки зрения, поменялась принципиально. В частности, концепции социального и эмоционального интеллекта, имеющие экспериментальную базу, могут, как нам представляется, выступать в качестве одного из вариантов обоснования специфики социально-гуманитарных наук и, в частности, понимания как способа работы с социальным и историко-культурным материалом. Когнитивные исследования социального и эмоционального интеллекта позволяют по-новому взглянуть на герменевтику как методологию социально-гуманитарных наук. Далее мы рассмотрим концепции социального и эмоционального ин-

теллекта, а затем вернемся к герменевтике и ее проблемам в свете концепций социального и эмоционального мозга.

В современной когнитивной психологии акцентируется внимание на системах саморегуляции и контроля социального поведения, обеспечивающих целенаправленную деятельность человека и его взаимодействие с другими людьми. Особо актуальной сферой научных интересов становятся исследования интеллектуальных человеческих ресурсов, позволяющих обеспечить социальную адаптацию. В связи с этим наряду с понятием общего интеллекта исследователи стали выделять понятия социального и эмоционального интеллекта как особых факторов регуляции социальной жизни человека.

Обращение исследователей к проблеме социального интеллекта появляется в литературе с начала XX в. Ее изучением занимались такие зарубежные ученые, как Э. Торндайк, Г. Оллпорт, Дж. Гилфорд, Г. Гарднер, Г. Айзенк и др. Основной трудностью понимания социального интеллекта явилось разделение подходов к его интерпретации. Одними исследователями социальный интеллект понимался как разновидность общего интеллекта, выполняющего мыслительные операции с социальными объектами. Данный подход восходил к традиции психологов А. Бине и Ч. Спирмена, чьим основным направлением исследований было сопоставление общего интеллекта со специальными, в частности социальными способностями. Второй подход рассматривал социальный интеллект как самостоятельный вид интеллекта, обеспечивающий адаптацию человека в социуме и направленный на решение жизненных задач.

Принято считать, что понятие социального интеллекта было впервые использовано известным американским психологом Э. Торндайком, который рассматривал социальный интеллект как «способность понимать людей... и управлять ими, поступать мудро в человеческих отношениях, добиваться успехов в межличностных ситуациях» [Thorndike 1920: 228]. Исследователь использовал концепт социального интеллекта в работе, посвященной авторской трехкомпонентной модели интеллекта. Следует вспомнить, что в начале XX в. активно создавались тесты измерения когнитивных способностей (*intelligence quotient*, далее – IQ), и, по мнению Торндайка, они содержали слишком абстрактное понимание интеллекта. Первым компонентом модели Торндайка являлся абстрактный интеллект (связанный с пониманием абстрактных символов: слов, ма-

тематических обозначений), вторым – конкретный интеллект (связанный со способностью взаимодействовать с материальными объектами) и, наконец, третьим – социальный интеллект. Психологом было отмечено, что конструкторы, связанные со способностями в области понимания социальных взаимодействий и внутриличностных процессов, весьма сложны с точки зрения их операционализации и различения с традиционными формами интеллекта. Но Э. Торндайк уверенно утверждал, что социальный интеллект отделен от общего. Исследователь акцентировал внимание на человеческой всеобщности социального интеллекта, на его качественном отличии от общих когнитивных способностей, а также на сложности его измерения и экспериментального моделирования. Заслуга Торндайка состоит в том, что он первым в психологии актуализировал вопрос о необходимости поиска специальных когнитивных структур социальных способностей.

В дальнейшем ряд авторитетных психологов внес свой вклад в определение содержания социального интеллекта. Г. Олпорт считал, что социальный интеллект – это «социальная одаренность», продуктом которой является социальное приспособление, обеспечивающее терпимость в отношениях с людьми [Allport 1961]. Г. Айзенк же полагал его обусловленным внешними факторами и акцентировал внимание на том, что «социальный интеллект формируется в ходе социализации, под воздействием социокультурных условий» [Айзенк 1995]. По мнению Айзенка, можно считать, что операционально общий интеллект применим и к социальным ситуациям. Первым же исследователем, который подошел к проблеме социального интеллекта с точки зрения его измерения, был психолог Дж. Гилфорд, разработавший свою систему классификации интеллекта как расширение и дополнение к учению Э. Торндайка о тройной классификации. Исследователь предложил рассматривать интеллект как совокупность различных «кластеров» и разработал общую модель структуры интеллекта, которая представляла собой трехмерное факторное пространство интеллекта, включающее 120 взаимно независимых кластеров. Согласно его концепции, социальный интеллект представляет собой совокупность способностей, которые определяют успешность взаимодействия с окружающими людьми; он включает в себя понимание поведения других людей, осознание собственного поведения и способность действовать сообразно кон-

кретной межличностной ситуации [Гилфорд 1965]. По мнению Н. Кантора и Дж. Килстрема, выделение двух таких различных аспектов социального интеллекта, как понимание поведения людей и адаптивное взаимодействие с другими людьми, способствовало дальнейшему развитию психологического представления о социальном интеллекте [Kihlstrom, Cantor 2000]. Следует отметить, что Дж. Гилфорд создал первый достоверный тест для измерения социального интеллекта.

Со временем исследовательский интерес к социальному интеллекту сократился, что, вероятно, было обусловлено достаточно размытым пониманием предметной области исследований, нечетким выделением объекта и, наконец, неудовлетворенностью запросов тех, кто был заинтересован в раскрытии инструментов измерения социальных способностей для повышения эффективности работы в различных сферах деятельности. С точки зрения тестовых измерений в социальном интеллекте прослеживались в значительной степени черты навыков, знаний и умений, а потому тесты социального интеллекта в плане необходимых для их решения знаний были подобны не столько тестам способностей, сколько тестам уровня знаний социальных ситуаций. На основании этого можно было предположить, что социальный интеллект – скорее компетентность в сфере социального познания, нежели интеллект [Ушаков 2004].

Начиная с 1990-х гг. изучение социального интеллекта получило продолжение в исследовании роли человеческих эмоций в коммуникации между индивидами. Ученые предположили, что, поскольку эмоции достаточно четко фиксируемы и активно исследуются в психологических науках, создание инструментов их измерения в контексте разработки теории эмоционального интеллекта будет более продуктивным. Так, термин «эмоциональный интеллект» в психологию ввели Д. Мейер и П. Сэловей. В своей статье «What is Emotional Intelligence?» исследователи пояснили, в чем состоит их интерес в изучении эмоций. По мнению ученых, в истории психологии эмоции и мышление часто рассматривались как антагонисты. Считалось, что тесты измерения интеллекта должны содержать задания, оценивающие исключительно внеэмоциональную сферу мышления. Однако у такой точки зрения нашлись противники. Известный американский психолог Роберт Уард Липер

одним из первых предложил рассматривать эмоции как организующие деятельность реакции, адаптивно фокусирующие когнитивную деятельность и последующие действия человека. Вместо того чтобы характеризовать эмоции как хаотичные, бессистемные и требующие преодоления, Липер предположил, что эмоции – это мотивирующие силы; «процессы, которые пробуждают, поддерживают и направляют активность» [Leeper 1948: 17]. Данный подход нашел свое подтверждение, так как многие научные исследования из области не только психологии и когнитивистики, но даже нейронаук и искусственного интеллекта открыли новый ракурс рассмотрения эмоций как адаптивного направления когнитивной деятельности [Mandler 1975; Simon 1982]. Выражение эмоций, по-видимому, является важным регулятором человеческих мотивов. Исследователи решили рассмотреть эмоции с функционалистской точки зрения, предложив термин «эмоциональный интеллект». В понимании Дж. Мейера и П. Сэловея эмоциональный интеллект – это часть социального интеллекта, которая включает в себя способность контролировать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для управления своим мышлением и действиями [Salovey, Mayer 1990: 185]. Уже в 2002 г. Мейер и Сэловея с группой ученых создали MSCEIT, V2.0 (The Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test) – стандартизированный тест для измерения эмоционального интеллекта, где были выделены четыре уровня эмоционального интеллекта с секциями заданий на выявление каждого из них [Brackett *et al.* 2002; 2004]. Работы по исследованию эмоционального интеллекта именно в рамках теории Мейера, Сэловея и Карузо активно продолжают сейчас в Йельском университете.

Еще одной известной моделью эмоционального интеллекта является модель Р. Бар-Она [Bar-On 1997]. Данная модель включает в себя как когнитивные способности (к примеру, эмоциональное самосознание), так и некогнитивные способности, относящиеся к личностным качествам: самоуважение, стрессоустойчивость, настроение. Это позволяет считать теорию Бар-Она смешанной моделью эмоционального интеллекта, то есть когнитивной лишь частично. Однако некоторые ученые сомневаются в правомерности такого подхода: он делает понятие эмоционального интеллекта не-

обоснованным, поскольку в психологии термин «интеллект» всегда связывался с когнитивными процессами.

Особую популярность тема эмоционального интеллекта получила после выхода книги Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект» в 1995 г. [Goleman 1995]. Три положения этой книги привлекли внимание общественности. Во-первых, в книге была обозначена актуальность проблемы жестокости и насилия в школах. Во-вторых, приводились аргументы в пользу связи между эмоциональным интеллектом и социальным поведением. Деструктивное поведение связывалось с низкими показателями эмоционального интеллекта. Наконец, утверждалось, что эмоциональный интеллект является более точным предиктором успеха, нежели общий интеллект. Своими заявлениями исследователь повлиял на дальнейший интерес к разработкам данной концепции, и уже после эмоциональный интеллект стал рассматриваться как основа для воспитания социоэмоциональной составляющей индивидов. Стали создаваться десятки программ социоэмоционального обучения, а понятие эмоционального интеллекта прочно закрепилось в популярной литературе.

Как было показано выше, социальный и эмоциональный интеллект – дискуссионные концепты. Несмотря на это, само появление такого рода исследований позволяет, на наш взгляд, вернуться к проблемам методологии социально-гуманитарных наук и взглянуть по-новому на герменевтическую категорию понимания. В герменевтических представлениях о понимании вполне определенно угадываются черты социального и эмоционального интеллекта.

Прежде всего стоит обратиться к одной из ключевых фигур герменевтики Ф. Шлейермахеру [2004]. В его проекте универсальной герменевтики понимание описано двояко. С одной стороны, это интуитивная способность схватывания смысла, связанная с персональными характеристиками понимающего субъекта. Такого рода способность позволяет, например, переводчику эмпатически понимать автора текста, подлежащего переводу или интерпретации. С другой стороны, будучи продолжателем традиций протестантской теологической и филологической герменевтики, Ф. Шлейермахер попытался описать процедуру понимания рационально, как систему правил или метод работы с языком и текстом, направленный на выявление смысла этого текста. К такого рода правилам

относится, например, принцип герменевтического круга. Этот принцип утверждает диалектическую взаимосвязь целого и части, например текста и языка, на котором этот текст написан. Тем самым пониманию придавался методологический характер, что в дальнейшем привело к разработке герменевтики как методологии социально-гуманитарных наук. Такую позицию мы находим, например, у В. Дильтея и Э. Бетти [Бетти 2001].

Двойственность понимания, выраженная в герменевтической концепции Ф. Шлейермахера, указывает на то обстоятельство, что понимание нельзя полностью описать как рациональную процедуру. За пределами рационального описания всегда остается интуитивно-чувственный компонент понимания. Более подробно Ф. Шлейермахер описывает его следующими словами: «Метод интуитивный состоит в том, чтобы, словно перевоплощаясь в другого, пытаться непосредственно схватить индивидуальное» [Шлейермахер 2004: 156]. «Задача психологического толкования, будучи рассмотрена в общих чертах и отдельно, состоит в том, чтобы воспринимать всякий данный мыслительный комплекс как момент жизни определенного человека. Какими средствами мы располагаем для решения этой задачи? Нам следует вернуться к соотношению говорящего и слушающего. Если образ мыслей и связь между ними у обоих являются одинаковыми, то при общности языка понимание приходит само собой» [Там же: 157].

За интуитивную трактовку понимания критиковали не только Ф. Шлейермахера, но и его последователя В. Дильтея, также развивавшего идею понимания как непосредственного схватывания смысла. Это была вполне обоснованная критика за психологизм, за отсылку к факторам бессознательного характера, плохо поддающихся научному обоснованию.

Разработка современных концепций социального и эмоционального мозга существенным образом меняет ситуацию. Как было показано выше, исследование социального и эмоционального интеллекта направлено на выявление когнитивных механизмов социального поведения в самом широком смысле этого слова, на установление взаимовлияния когнитивного и социального. В этом контексте понимание как эмпатическое вчувствование перестает выглядеть как вненаучное предположение. Напротив, оно становится предметом научного исследования в когнитивных науках, его мож-

но представить как когнитивный процесс, как аспект социального и/или эмоционального мозга. В этом случае мы имеем достаточные основания, чтобы вернуться к пониманию как к специфическому средству исследования социальных процессов и отношений. Вернуться к вопросам, которые были поставлены в методологии социально-гуманитарных наук неокантианцами и герменевтами. А именно, к вопросам о специфике социально-гуманитарных наук, их принципиального отличия от естествознания. Опираясь на когнитивные исследования социального и эмоционального мозга, можно сказать, что не только в социальном поведении, но и в исследовании социальной реальности в широком смысле этого слова задействованы особые когнитивные механизмы – те, которые получили название социального и эмоционального мозга.

В этом контексте дополнительные аргументы приобретает и герменевтическая концепция Г. Гадамера, сформулированная им в «Истине и методе» [Гадамер 1988]. Поднимая вопрос о специфике «наук о духе», Гадамер писал о том, что они выходят за пределы методологически организованного знания. С его точки зрения, использовать в этих науках методы, понимаемые как рационально организованные процедуры, обеспечивающие общезначимость и проверяемость результатов, возможно, но недостаточно. «...Науки о духе, – как пишет Гадамер, – сближаются с такими способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории. Все это такие способы постижения, в которых возвещает о себе истина, не подлежащая верификации методологическими средствами науки» [Там же: 21]. Поскольку понимание, по мнению Гадамера, «пронизывает все связи человека с миром», результат исследования в «науках о духе» напрямую зависит от факторов, которые мы сегодня могли бы назвать социальными компетенциями субъекта познания [Там же]. А именно, наличие у него жизненного опыта, здравого смысла, художественного вкуса, эмоциональной чувствительности, ценностной рефлексии и др.

Набор параметров, характеризующих гадамеровского субъекта «наук о духе», соответствует, с нашей точки зрения, общим чертам социального мозга. Более того, Г. Гадамер подчеркивал, что в «науках о духе» задействована способность понимания, которая формируется у человека вместе с освоением естественного языка

и в этом смысле присуща всем людям. Субъект «наук о духе» лишь доводит эту общую способность понимания до определенной степени совершенства, до своего рода искусства. На наш взгляд, общая способность понимания, о которой пишет Гадамер, может быть представлена как аспект социального интеллекта. Тем самым герменевтическая концепция Г. Гадамера получает современное научное обоснование и обретает новое дыхание.

Рассматривая герменевтику с точки зрения современных исследований социального и эмоционального интеллекта, можно сказать, что герменевтическая традиция изначально обращалась к двум аспектам социально-гуманитарного познания: когнитивному, связанному механизмами осмысления социальной реальности, что отражалось в интуитивной трактовке понимания, и методологическому. Опыт, накопленный герменевтикой по исследованию интуитивной стороны понимания, является ценным материалом и, в свою очередь, может быть использован для развития концепций социально- и эмоционального мозга.

Литература

Айзенк Г. Ю. Интеллект: Новый взгляд / Г. Ю. Айзенк // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.

Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2011.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016.

Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988.

Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / под ред. А. М. Матюшкина. М. : Прогресс, 1965. С. 433–456.

Дильтей В. Описательная психология. М. : РИПОЛ классик, 2018.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998.

Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М. : Институт психологии РАН, 2004. С. 11–28.

Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. : Европейский дом, 2004.

Allport G. W. Personality: A Psychological Interpretation. New York : Holt, Rinehart & Winston, 1937.

Bar-On R. Emotional Intelligence Inventory (EQ-i): Technical Manual. Toronto : Multy-Health System, 1997.

Goleman D. Emotional Intelligence. New York, NY : Bantam Books, 1995.

Guilford J. P. The Nature of Human Intelligence. New York, NY : McGraw-Hill, 1967.

Kihlstrom J. F., Cantor N. 2000. Social Intelligence // Handbook of Intelligence / ed. by R. J. Sternberg. Cambridge : Cambridge University Press. Pp. 359–379. DOI: 10.1017/CBO9780511807947.017.

Leeper R. W. A Motivational Theory of Emotion to Replace “Emotion as Disorganized Response” // Psychological Review. 1948. Vol. 55(1). Pp. 5–21. DOI: 10.1037/h0061922.

Mandler G. Mind and Emotion. New York, NY : Wiley, 1975.

Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) Users Manual. Toronto : Multi-Health Systems, 2002.

Salovey P., Mayer J. D. Emotional Intelligence // Imagination, Cognition, and Personality. 1990. Vol. 9(3). Pp. 185–211.

Simon H. A. Comments // Affect and Cognition / ed. by M. S. Clark, S. T. Fiske. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1982. Pp. 333–342.

Thorndike E. L. Intelligence and Its Use // Harper’s Magazine. 1920. Vol. 140. Pp. 227–235.